Муки хождения

Третьи сутки Анжела шагает по тайге, кажущейся ей нескончаемой. Она успела потерять уверенность, что выйдет к людям. Но чуточка надежды, что это всё-таки случится, ещё теплится где-то в глубине души тринадцатилетней девочки. Нет, она уже не шагает, а еле плетётся по зарослям и буреломам, где не ступала нога человека много лет. Да и ступала ли она вообще в эти дебри, покрывшие бесчисленные склоны Восточного Саяна?

Ребёнок часто падает, но каждый раз находит в себе силы, чтобы вставать и продолжать идти. Девочка голодна. Губы её успели потрескаться, несмотря на почти непрерывный, по-осеннему моросящий дождь. Непогода разыгралась вечером первого дня странствий. Эти затянувшиеся блуждания по тайге в постоянном холоде и голоде превратились в хождения по мукам.

Иногда дождь ненадолго прекращался, но небо оставалось затянутым низко нависшими тучами. Кое-где тучи становились чуть светлее. Казалось, что скоро в этом месте проглянет и обогреет ласковое солнышко. Но этот участок неба быстро затягивала чернота, а еле уловимый просвет появлялся в другом месте. Туда же перекочёвывала и надежда на согревающие лучики.

Не имея ориентиров, эта путешественница поневоле брела куда глаза глядят, с единственным желанием — оторваться от преследования. Она никого не звала на помощь в этом безлюдье, опасаясь в очередной раз навлечь гнев идущего по её следу зверя. Вот и сейчас в сотне метров позади до неё донёсся хруст ветки под ногой хозяина тайги. Казалось, природа делает всё, чтобы затормозить и без того небыстрое движение. Часто встречались поваленные ветром деревья. Одни гнили на

земле, другие упали совсем недавно, и на них ещё виднелись остатки пожелтевшей хвои.

Встречались с трудом проходимые заросли молодого ельника, и приходилось протискиваться сквозь эти колючие чащи. Особенно трудно было идти сквозь кустарники. Где плечом, где бедром, где головой, а где-то и всем телом приходилось наваливаться на переплетения травы и веток, чтобы протиснуться сквозь преградившую путь чащу. И обошла бы её, если бы в обозреваемом пространстве было видно свободное от зарослей местечко. Она переползала через толстые туловища упавших великанов, прилагая немалые усилия. Девочка понимала, что медведю ни бурелом, ни колючие ельники или заросли шиповника не преграда. Хищник в любой миг может настигнуть её. Но непонятно, почему он не делает этого.

Анжела беззвучно плакала. Слёзы, скатываясь по щекам, смешивались с дождевой водой, а солоноватая жидкость попадала на пересохшие губы, пощипывала их. Ей, уставшей убегать от преследователя, хотелось упасть и, лёжа или сидя на корточках, вдоволь нареветься, как это бывало, когда её кто-то горько обижал. Но теперь это стало невозможно. Может быть, зверь потому и не напал на неё, что она, назло трудностям, идёт? Сама девочка не знала ответ на вопрос, а бессловесная громадина своими действиями только подгоняла.

Ни души, кто мог бы помочь или пожалеть. Нет, она не малышка, которую когда-то жалела мама не одну сотню раз. Но людское участие, хотя бы добрым словом, было сейчас необходимо. «Эх, люди, люди! Где же вы, люди?»

Дважды, доходя до ручья, беглянка продолжала путь по воде. Из-за наросших водорослей осколки острых глыб на дне ручьёв были очень скользкие. Подростку известно, что эти булыжники не принесло откуда-нибудь течением. Они были здесь всегда. Такие и более крупные камни есть везде, и под слоем земли тоже. Когда-то, давным-давно, горы стали рушиться. Огромные глыбы, падая со скал, дробились и устилали склоны. Сначала мхи и травы, а потом кустарники и деревья обживали эти места. Отжившие свой век, они постепенно превращались в почву. Всё, что отмирало и падало на воду, уносилось потоком. Только эти противные водоросли сумели обжить каменистое дно. Идущая по ним девочка понимала, что в любой момент может упасть на острые камни, но с осторожностью шла дальше. Она хотела, чтобы зверь

потерял её след. «Может, он не захочет идти по воде и прекратит преследование?»

И оба раза с сожалением убеждалась, что медведя, с его звериным чутьём, не обманешь. Уже в который раз по-детски наивно задавалась вопросом: почему хищник преследует её третьи сутки, не напал, а терпеливо плетётся рядом?

Иногда подростком не ощущалась близость косолапого. Появлялась надежда, что ему надоело преследование, ушёл восвояси. Но миновали час или два — и вновь чувствовалось сопровождение. Медведь оставлял преследование, чтобы полакомиться ягодами. Она же не могла позволить себе даже этого. Вчера, уставшая от трудностей перехода, голодная, продрогшая от дождя, девочка прислонилась спиной к огромному кедру и задремала, забыв об опасениях, что с ней будет. Преследователя не было слышно — отстал. Но, встрепенувшись от дрёмы, услышала ровное сопение. Зверь, обнаружив жертву спящей, тоже уснул невдалеке. Чтобы не нарушить чуткий звериный сон хищника, Анжела осторожно оставила нагретое место и под дождём шагнула в ночь.

Она и не предполагала, что, избегая преследования, идёт против ветра. Букет ароматов от уставшего человечка ещё долго доходил до спящего, ослабевая постепенно. Внезапное исчезновение запаха разбудило бы спящую громаду. Тихий шорох скатывающихся по листве капель дождя приглушил звуки удаляющейся беглянки. Когда забрезжил рассвет, вновь пришло ощущение близости медведя. В это утро её посетила мысль: «Убедившись, что жертва не представляет для него угрозы, чувствуя беззащитность, он просто сопровождает меня, чтобы уберечь от нападения другого зверя. Вот так медвежья услуга!»

Но тут же неожиданная мысль показалась ей абсурдной. Стараясь не развивать эту тему, она пошагала прочь ещё решительнее, опасаясь оказаться с огромным хищником лицом к лицу. «Точнее, лицом к морде»,— поправила себя девочка.

Вымотавшись за переход, начавшийся ещё ночью, села под разлапистую пихту. Ветки опускались почти до земли. Дождь, с перерывами продолжавшийся двое суток, не замочил облюбованное ею местечко. Под пихту не проникал и слабый ветерок, сопутствующий дождю. Медведь обнаружит её здесь, но сейчас его нет, он снова отстал, чтобы насытиться. «Ах, снова эта мысль о еде».

Последний раз вкус съестного голодным ребёнком ощущался, когда с мамой и тётей Соней перекусывала среди кочек клюквенного болота. Сидя в безветренном сухом месте,

Анжела стала согреваться, ей припомнился тот день в мельчайших подробностях.

Незваный хозяин

Тряская дорога, начавшаяся ещё до въезда в рабочий посёлок Чибижек, закончилась. Тётя Соня заглушила мотоцикл и властно скомандовала:

— Вытряхивайтесь, красавицы, дальше идём пешком.

По заросшей кустарниками тропинке Анжела и её мама Елизавета, разминая затёкшие от длительной езды ноги, вслед за тётей Соней пошагали на болото. Оно оказалось не похожим на те, которые доводилось видеть юной ягоднице,— не сплошное, с позеленевшей жижей между кочками, а состоящее из множества небольших лужаек с бугорками, усыпанными крапинками спелой клюквы. Под сапогами мох вдавливался, а на его месте выступала вода. Вокруг клюквенных лужаек на сухих местах рос двухметровый пырей, виднелись заросли шиповника, а над всем этим золотились своими кронами низкорослые болотные берёзки.

Оказавшись среди ягод, мать с дочерью стали собирать их, а тётя ушла искать место, где ягода ряснее, крупнее и спелее. Вскоре она позвала своих спутниц, но когда те пришли, сама отправилась искать новое, более ягодное место. И нашла, позвав к себе сестру и племянницу. Так повторилось несколько раз. Сначала Елизавета, а потом и её дочь убедились, что ягода везде примерно одинаковая, и перестали переходить на новые места. Так они и оказались каждая на своей лужайке.

Иногда кто-нибудь окликал, а другие отзывались, убеждаясь, что все находятся рядом. Когда они все вместе перекусили, разбрелись на приглянувшиеся им ягодные места. Переходя по сухим полоскам земли с одной лужайки на другую, невозможно было не обратить внимания на стойкий приятный запах чёрной смородины. Ягоды успели осыпаться, а аромат испускали стебли и желтеющие листья.

В буйном разнотравье попадались и кусты кислицы. Так называют у нас красную смородину. С этих кустов листва почти полностью облетела. То же самое можно сказать и о ягоде. Но ещё остались остатки от прежних ягодных гроздей. Переспелые ярко-красные бусинки казались прозрачными в лучах яркого осеннего солнца. Они смотрелись как рубиновые украшения, приготовленные для взыскательной модницы. Было очевидно,

что ни чёрную, ни красную смородину здесь никто не брал — такой ягоды можно было набрать гораздо ближе от дома.

И не было на этом клюквенном болоте, кроме них, никого. Но вдруг... На очередной оклик матери своим грозным рычанием отозвался медведь. Когда кто-нибудь кричал, чтобы позвать других, зверь рычал и направлялся в сторону нарушительницы спокойствия. Вскоре на очередной оклик отступающих ягодниц хозяин тайги уже не шёл, а бежал, подминая под себя берёзки. Возможно, что так он выгонял незваных гостей с приглянувшегося ему лакомого места. Кисло-сладковатая ягода пришлась по вкусу и ему. Всем было понятно, что с этого места надо поскорее уносить ноги, и делать это надо без шума, не испытывая нервы грозного хищника.

Когда мама окликнула дочку и та отозвалась, поднялся такой рёв, словно через мгновение этот лесной великан набросится на жертву. Так Анжелой было расценено очередное предупреждение рычанием. Больше она не отзывалась, а косолапый, перестав метаться между ягодницами, пошёл за ней. Девочка слышала ещё несколько окликов матери и тёти, но боялась откликаться. Им отзывался грозным рёвом медведь. Но он неизменно продолжал следовать за ребёнком.

В те минуты ей казалось, что ноги, переставшие слушаться, через мгновение отнимутся. Они стали такими тяжёлыми, будто она была обута в огромные папины рыбацкие сапоги, которые полны воды. Сердце бешено колотилось, виски сжимали невидимые тиски, а перед глазами всё расплывалось, теряя чёткие очертания. Обострившимся слухом она ощущала могучего преследователя и, как заклинание, мысленно повторяла: «Только бы не напал, только бы не напал».

Мозг в этот ответственный момент работал чётко. Девочка понимала, что надо постараться выйти к мотоциклу, где мама и тётя уже ждут её. Мотоцикл-то медведь не догонит, если даже попытается продолжить преследование. Постепенно ноги стали послушными. Пытаясь уйти от преследователя, она незаметно для себя меняла направление следования. Потому не только не вышла к мотоциклу, но и не слышала голоса взрослых, зовущих её.

Когда рёв и метания лесного великана прекратились, Соня нашла сестру, охваченную паническим страхом.

— Моя девочка! Анжелочка! Её больше нет. Зверюга сожрал мою кровиночку,— еле выговаривала потерявшая самообладание мать, глотая слёзы.

Соня тщетно пыталась успокоить охваченную горем Елизавету. Не подействовали успокаивающе и слова, что Анжела не отзывается, чтобы не озлоблять зверя. А в случае нападения она успела бы испустить душераздирающий вопль, но его не было. Значит, наша малышка жива. Сестра звала безутешную мать выходить к мотоциклу.

— Надо ехать и немедленно поднимать людей на поиски.

— Нет, он съел моего ребёнка, пусть слопает и меня. Поезжай, а я буду искать мою доченьку.

— Конечно, оставить здесь, чтобы потом искать ещё и тебя.

С огромным трудом Соня увела сестру с болота. Обе были без ягод — о них вспомнили намного позже. Пока выходили, обе, не жалея глоток, звали дорогого для них человечка. Но безуспешно.

— Домой, Лизавета, домой.

— Нет. Поедем прежде всего к Виктору. Только он — профессиональный спасатель — найдёт мою девочку, если она ещё жива.

И они рассказали спасателю о том, что произошло и где именно. Оказалось, что он знает это место и готов выехать немедленно. Благо, что у него всё готово к поездке — собирался подремонтировать своё охотничье зимовье. Рыбалка и охота — его хобби. Но и к ним он всегда готовился основательно.

В доме сестры Соня оказалась свидетелем разразившегося скандала. В пылу нескончаемых обвинений отец ребёнка выкрикнул:

— Да какая же ты мать?! Другая мать на твоём месте себя бы отдала на съедение зверю, чтобы спасти дитя!

Елизавета, нервы которой и без этих слов были на пределе, потеряла сознание. Когда очнулась, рядом на больничной койке сидела сестра. Сразу же пояснила, что, кроме спасателя, отправившегося на поиски сразу, следующим утром на болото уехали пятеро охотников. Она уверяла, что Анжелочку обязательно найдут, когда заметила, что её собеседница временами заговаривается. Врач, узнав об отклонениях в сознании пациентки, сказал, что это проходящее и надо, чтобы поскорее сменилась к лучшему обстановка, вызвавшая нервное потрясение. Он попросил не покидать больную, так как в её состоянии та сможет сделать что угодно — даже выйти из окна второго этажа.

Окончание следует